

ЯЗЫКОЗНАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

ЛО ЧАН-ПЭИ

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ*

(Перевод с китайского И. М. Ошанина)

Что составляет предмет языкознания? Мы можем, конечно, ответить просто: язык. Однако, если нас дальше спросят, в чем заключается отличие языка от других общественных явлений, почему языкознание представляет собой самостоятельную науку, — окажется, что на этот вопрос ответить в двух словах не так-то просто.

Товарищ Сталин говорит нам: «В чем же состоят специфические особенности языка, отличающие его от других общественных явлений? Они состоят в том, что язык обслуживает общество, как средство общения людей, как средство обмена мыслями в обществе, как средство, дающее людям возможность понять друг друга и наладить совместную работу во всех сферах человеческой деятельности, как в области производства, так и в области экономических отношений, как в области политики, так и в области культуры, как в общественной жизни, так и в быту. Эти особенности свойственны только языку, и именно потому, что они свойственны только языку, язык является объектом изучения самостоятельной науки, — языкознания. Без этих особенностей языка языкознание потеряло бы право на самостоятельное существование»¹.

Таким образом, специфические особенности языка отличают его от базиса, обслуживающего общество в экономическом отношении, или от надстройки, обслуживающей общество в идеологическом отношении — в области политики, права, литературы, искусства и т. д.

Товарищ Мао Цзэ-дун говорит нам: «Разграничение сфер в науке основывается именно на специфических противоречиях, содержащихся в объектах научного исследования. Именно исследование определенных противоречий, присущих лишь определенной сфере явлений, составляет предмет той или иной науки. Например, плюс и минус в математике, действие и противодействие в механике, отрицательное и положительное электричество в физике, разложение и соединение в химии, производительные силы и производственные отношения, классы и борьба классов в общественных науках, наступление и оборона в военной науке, идеализм и материализм, метафизика и диалектика в философии и т. д. — всё это образует предметы исследования различных наук именно в силу наличия специфических противоречий и специфической сущности. Разумеется, без познания всеобщего в противоречиях невозможно раскрыть общие

* Опубликовано в журн. «Чжунго юйвэнь», Пекин, 1952, август.

¹ И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 36.

причины или общие основы движения, развития явлений. Однако без исследования специфического в противоречиях невозможно определить специфическую сущность, отличающую одно явление от других, невозможно вскрыть специфические причины или специфические основы движения, развития явлений, невозможно различать явления, невозможно разграничить области научного исследования»².

Исходя из этого указания, нам по аналогии необходимо выяснить, какие специфические противоречия существуют в предмете языкознания. Поскольку язык является средством общения людей, средством обмена мыслями в обществе, — его основное противоречие заключается в том, что путем абстрагирования реальности и ее обобщения создается слово, причем и говорящий, и слушающий овладевают понятием, представленным звуком или звуками, образующими это слово, переходят от непонимания к взаимному пониманию, благодаря чему лучше познается реальность, развивается ум, создается наука.

Теперь язык стал неотрывной частью нашей повседневной жизни: люди, родившиеся в обществе, являющемся носителем одного и того же языка, может быть, и не чувствуют всей специфики этого противоречия. Если мы обратимся мыслью к далеким предкам человека, которые в начале своей коллективной трудовой деятельности ради сплочения и взаимопомощи в борьбе с природой подавали друг другу сигналы жестами или голосом, чтобы передать свои чувства, желания или мысли, если мы подумаем, как медленно приходилось накапливать опыт коллективной жизни, чтобы научиться естественно создавать слова, научиться известными звуками передавать известные значения, — мы сможем понять, какой тяжелый путь пришлось пройти человечеству, прежде чем оно пришло от непонимания к пониманию. И. П. Павлов, изучавший высшую нервную деятельность, говорит: «Если наши ощущения и представления, относящиеся к окружающему миру, есть для нас первые сигналы действительности, конкретные сигналы, то речь, специально прежде всего кинестезические раздражения, идущие в кору (больших полушарий головного мозга. — И. О.) от речевых органов, есть вторые сигналы, сигналы сигналов. Они представляют собой отвлечение от действительности и допускают обобщение, что и составляет наше лишнее, специально человеческое, высшее мышление»³. «Первая сигнальная система действительности является общей у человека с животными, вторая — свойственна только человеку. Человек, восприимчивая действительность, абстрагирует, обобщает и создает слова». «Конечно, слово для человека есть такой же реальный условный раздражитель, как и все остальные, общие у него с животными, но вместе с тем и такой многообъемлющий, как никакие другие... Слово, благодаря всей предшествующей жизни взрослого человека, связано со всеми внешними и внутренними раздражениями, приходящими в большие полушария, все их сигнализирует, все их заменяет и потому может вызвать все те действия, реакции организма, которые обуславливают те раздражения»⁴.

От действительности, совместно воспринимаемой всеми, через абстракцию и обобщение в слове, позволяющем всем понимать друг друга, — и далее через способность слова заменять собой все внешние и внутренние раздражения, поступающие в большие полушария мозга, что делает слово

² Мао Цзэ-дун, Избр. произвед., т. II, М., 1952, стр. 423—424.

³ И. П. Павлов, Избранные труды по физиологии высшей нервной деятельности, М., Учпедгиз, 1950, стр. 197.

⁴ И. П. Павлов, Лекции о работе больших полушарий головного мозга, 2-е изд., М.—Л., Госиздат, 1927, стр. 357. (Автор цитирует по китайскому переводу работы А. Г. Иванова-Смоленского «О первой и второй системе сигналов». — И. О.).

как раздражитель еще более многообъемлющим, — такой процесс нервной деятельности является специально человеческим, а такое противоречие — специфическим для языка. Это специфическое противоречие и делает язык предметом языкознания и позволяет отграничить область языкознания от других наук.

Поскольку нам, таким образом, ясен предмет языкознания, мы можем теперь перейти к задачам этой науки. Они таковы:

1. Изучение основного словарного фонда и словарного состава. Поскольку слово языка представляет собой абстракцию и обобщение действительности, словарный состав, конечно, изменяется вслед за изменением действительности. В результате изменений социального строя, в результате развития производства, культуры, науки — все время рождаются новые слова, все время меняются старые, приобретая новое значение. Вместе с тем жизнь основного словарного фонда длительна, он существует в течение долгого периода в сотни и тысячи лет и служит основой для образования новых слов. Поэтому мы должны особо изучать основной словарный фонд и словарный состав языка.

2. Изучение грамматического строя. Грамматический строй является основой языка, является его спецификой. Предложения, построенные соответственно правилам грамматики, понятны всем; если же предложения строятся вопреки правилам грамматики, в языке может произойти хаос, слушающий может недопонять или даже совсем не понять говорящего. Язык, конечно, является началом человеческого мышления, организованная мысль выражается через предложение, построенное по законам грамматики. Поэтому изучение грамматики еще важнее, чем изучение словарного состава.

3. Изучение фонетики и фонологии. В системе и структуре звуков языка есть своя определенная закономерность. Человек, овладевший этой основой, способен очень скоро овладеть спецификой изучаемого языка, — будь то диалект родного языка, родственный или чужой язык, — способен ускорить темпы усвоения этого языка. Тупое запоминание и подражание ведет не только к малой эффективности занятий при двойной затрате сил, но также и к тому, что говорящего не понимают, поскольку его произношение неправильно. Фонетика анализирует различия между звуками речи, фонология ищет общее в этих различиях.

4. Изучение литературного языка. «Наши литература и искусство — для широких народных масс, прежде всего для рабочих, крестьян и солдат; они создаются для рабочих, крестьян и солдат, ими пользуются рабочие, крестьяне и солдаты...». Поэтому «наши работники литературы должны слиться своими чувствами и настроениями воедино с рабочими, крестьянами и солдатами. А для этого нужно начинать с овладения языком масс. Если же не понимать даже языка масс, — о каком еще литературном творчестве может идти тогда речь?»⁵. Из этого указания товарища Мао Цзэ-дуня мы делаем определенный вывод: народная литература должна иметь в качестве литературного языка именно язык широких масс. Тот, кто пишет языком, понятным для широких масс, конечно, будет пользоваться их любовью и симпатиями; того же, кто не умеет писать языком широких масс, того массы не смогут читать и не поймут написанного им при чтении вслух. Выделение из языка широких масс чуждого литературного языка, ликвидация разброда между устной речью и литературным языком нашей прессы и печати — это тоже важная задача для языковеда.

⁵ Мао Цзэ-дун, Речь на совещании работников литературы и искусства в Яньани [1942], [Харбин], Цзефаншэ, 1949.

5. Изучение диалектов и национального языка. Диалект есть ответвление национального языка. Отдельный диалект в процессе формирования нации может лечь в основу национального языка, может развиваться в самостоятельный национальный язык. Иногда общение между носителями диалектов невозможно. Однако, когда в результате политической и экономической концентрации один диалект растворяет элементы прочих диалектов и становится национальным языком, — непонимание переходит в понимание. Пекинский диалект — язык столицы Китайской Народной Республики — являет собой живой пример развития национального языка из отдельного диалекта.

6. Изучение внутренних законов развития языка или истории китайского языка. Главной задачей языкознания является изучение внутренних законов развития языка⁶. И фонетика, и семантика, и грамматика языка в процессе его развития от древности к современности переживают ряд изменений. Мы должны уловить закономерность этих изменений, — и только при этом условии можно перекинуть мост от языка древних эпох к современному языку. Если это не сделано, разрыв между древним и современным языком оказывается почти таким же, как между китайским языком и иностранными языками. Термин «филология», которым у нас издавна называется комментирование языка древних памятников, означает не что иное, как объяснение древнего языка современным языком, и фактически очень сходен с термином «перевод». Чэнь Ли [крупный филолог и писатель (1810—1882). — *И. О.*] сказал: «Древность и современность во времени подобны четырем странам света в пространстве: если они слишком отдалены друг от друга, языковое общение невозможно. При далеком расстоянии в пространстве нужен перевод, при далеком расстоянии во времени нужна филология. Перевод сближает разные страны до положения деревенских соседей; филология сближает древность и современность, как близки утро и вечер»⁷. Хотя автор имел здесь в виду только семантические изменения, однако его слова остаются верными и для изменений в области фонетики и грамматики; нужно найти внутренние законы развития языка от его древнего до современного состояния и тогда, конечно, непонимание перейдет в понимание.

7. Изучение языков и письменности национальных меньшинств. Китай является многонациональным государством, языки национальностей различны. Чтобы помочь национальностям в строительстве их политики, экономики, культуры и просвещения, нам прежде всего нужно обследовать, понять и изучить их языки, а затем помочь им на добровольных началах изучить китайский язык. Если работники китайской национальности будут понимать языки национальных меньшинств, а широкие массы национальных меньшинств постепенно овладеют китайским языком, — строительство национальных районов в области политики, экономики, культуры и просвещения, несомненно, получит еще более благоприятные условия для своего развития. Поэтому обследование и изучение языков национальностей фактически является важным звеном для ускоренного проведения строительства во всех областях общественной жизни.

8. Изучение методики преподавания языков. Цель методики преподавания языка заключается в том, чтобы научить учащихся слушать и понимать изучаемый язык, говорить на нем и пользоваться им. Преподаватель прежде всего должен сам правильно овладеть фонетическими закономерностями языка, его грамматическими законами, обиходом употребления

⁶ См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 30.

⁷ Чэнь Ли, Дун-дянь ду-шу-цзи, т. XI, Филология.

его лексики и т. д. Только после этого он сможет, основываясь на результатах научного анализа и с учетом требований реальной жизни, преподавать и обучать, ведя учащегося от непонимания к пониманию, от неумения к умению. Эффективность преподавания целиком зависит от того, насколько методика достигла этой цели. Так обстоит дело с преподаванием родного языка, так же обстоит оно и с преподаванием иностранного языка.

9. Изучение порядка работы по ликвидации неграмотности и по проведению реформы письма. Китайское письмо сложно и трудно, оно плохо приспособлено для изучения его широкими массами. На это внимание было обращено еще 60 лет назад, неоднократно делались попытки различными методами решать этот вопрос. Метод ускоренного обучения грамоте, разработанный тов. Ци Цзянь-хуа, насыщенный босвым духом и снабженный «посолком к грамоте»,⁸ позволяет неграмотному в короткий срок овладеть письменностью. Важнейшая причина успеха тов. Ци Цзянь-хуа заключается в том, что ему удалось пойти, в чем лежит противоречие всех трудностей изучения и понимания китайского языка. Только это и позволило ему сделать прежде медленный процесс обучения — быстрым, сделать трудное — легким. Когда реформа письменности будет завершена и иероглифы будут заменены фонетическим письмом, культура широких народных масс быстро поднимется.

10. Изучение методов перевода. Перевод — великая сила, позволяющая претворять непонятный широким массам иностранный язык в понятный им родной язык. Словарный состав и грамматический строй языков различны, и переводчик должен владеть закономерностями грамматической структуры обоих языков, должен хорошо знать обиход употребления лексики обоих языков; он должен перевести лексику и конструкции чужого языка на доступные массам лексику и конструкции родного языка. Только в этом случае он способен выполнить свою задачу — привести от непонимания к пониманию. Если же переводчик не считаетя с законами грамматической структуры и лексикой своего языка, если он целыми глыбами насильно переносит чужой язык на родную почву, то в результате его работы получается иностранный язык, зафиксированный китайскими иероглифами, язык абсолютно непонятный широким массам; перевод такого качества широкие массы не примут. Конечно, для обогащения словарного состава своего языка, для совершенствования его структуры можно перенимать от иностранных языков все лучшее, — должным образом разжевав и переварив это лучшее так, чтобы оно могло удовлетворить голод родного языка, чтобы устаревшее вытеснялось и новое вводилось на старой основе. Пока такая новая лексика или конструкция еще не узаконены обычаем, перенятые из иностранного языка часто не нравятся широким массам и даже считаются непонятным. Здесь нужно иметь в виду, что «это, конечно, не навечно. Часть воспринятого перестает не нравиться и начинает нравиться, другая же часть не нравится до конца и вытесняется из языка. Это — что самое важное — окончательный приговор нашей работе»⁹. Таким образом, можно сказать, что право окончательной оценки принадлежит здесь народным массам.

Перечисленные выше задачи — лишь небольшая частичка работы китайского языкознания в настоящее время. Поскольку язык непосредственно связан с производственной деятельностью человека, так же как и со всякой иной деятельностью во всей его работе, — несмотря на сравни-

⁸ Имеется в виду транскрипция иероглифов национальной фонетической азбукой.

⁹ Лу Сянь, Письмо о переводе, Собр. соч., т. IV, Б. м., 1948, стр. 378.

тельно медленное изменение таких составных частей языка, как грамматика и фонетика, — его словарный состав наиболее чувствителен к изменениям и находится в состоянии почти непрерывного изменения¹⁰. А раз язык непрерывно изменяется, — непрерывно рождаются и противоречия. После того, как старые противоречия приходят к единству, рождаются новые противоречия. Противоречия в языке бесконечны и неизбывны, а тем самым бесконечны и неизбывны вопросы, изучаемые языковедением. Поэтому языковедение и будет развиваться непрерывно.

¹⁰ См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языковедения, стр. 24.